

УДК 94(364)

КЕЛЬТЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ, ЯНТАРНЫЙ ПУТЬ И ЮЖНАЯ ПРИБАЛТИКА НА РУБЕЖЕ ЭР: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**THE CELTS OF CENTRAL EUROPE, THE AMBER ROAD AND SOUTH BALTIC AT THE TURN OF THE ERAS: A STATE OF RESEARCH****В.В. Анисимов
V.V. Anisimov***Московский педагогический государственный университет,
Россия, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1**Moscow State Pedagogical University,
1/1 M. Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia**e-mail: Napoleondorff@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию исследований о путях распространения кельтских (латенских) культурных влияний на южном побережье Балтийского моря в период между латенской и римской эпохами. Особое внимание уделено функционированию Янтарного пути, соединяющего в рассматриваемое время территорию Среднего Дуная с Южной Прибалтикой. Выдвигается также предположение о том, что по этому пути происходило не только распространение престижной латенской (кельтской) моды, но и продвижение самих кельтов как основных носителей культурных традиций. Главная роль в передаче культурных традиций отводится преимущественно элите.

Resume. The article is devoted to the current state of research on the ways of the Celtic (La Tène) cultural influences on the southern coast of the Baltic Sea between La Tène and Roman eras. Particular attention is paid to the functioning of Amber Road, connecting the territory of the Middle Danube to the South Baltic during the period under consideration. Also puts forward the assumption that this route used to be a way not only for spread of the prestigious La Tène (Celtic) fashion, but also for promoting themselves as the main carriers of the Celtic cultural traditions. The main role in the transmission of cultural traditions is given mostly elite.

Ключевые слова: кельты, южное побережье Балтийского моря, Янтарный путь.
Key words: Celts, the southern coast of the Baltic Sea, Amber road.

Как известно, в эпоху Античности одним из ключевых торговых путей был знаменитый Янтарный путь, соединяющий земли Среднего Подунавья с южным побережьем Балтийского моря. Одним из ключевых пунктов на этом пути являлись Моравские Ворота. Их историю изложили Т. Бошнак и П. Голанова². Они отмечают, что торговля янтарем в юго-восточной части Моравии контролировалась элитой культуры Хораков (Horkov) (локальный вариант гальштатской культуры в Моравии). Южнобалтийский янтарь был обнаружен в погребениях аристократии, а также в богатых женских могилах³. Именно через Моравские Ворота на территорию Польши проникало латенское (кельтское) культурное влияние, а, возможно, и сами кельты⁴.

Из Средиземноморского региона на южный берег Балтики вели два основных маршрута:

1. «Янтарный путь» – Средний Дунай – Моравские Ворота – верховья Одера – бассейн Верхней Варты – Нижняя Висла – острова Балтийского моря.
2. Средний Дунай – Моравские Ворота – Одер – Померания – Мекленбург – Дания⁵.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16–06–00058а.

² Bochnak T., Golánová P. La porte de Moravie: un point obligé sur la "route de l'ambre" // Routes du monde et passages obligés de la Protohistoire au haut Moyen Age. Quimper, 2010. P. 161–180.

³ Ibid. P. 164.

⁴ Ibid. P. 166–174. Речь идет, разумеется, о носителях латенской культуры, чаще всего рассматриваемых современниками как кельты. Поскольку нет возможности установить, кем считали себя они сами, вопрос об этнической идентичности у варварских народов в этот период остается открытым.

⁵ Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. Готы и их соседи до V века. СПб., 1899. С. 57–67; Хеннинг Р. Открытие Балтийского моря // Хеннинг Р. Неизвестные земли: в 4 т. Том I. М., 1961. С. 364–373; Wielowiejski J. Główny szlak bursztynowy w czasach Cesarstwa Rzymskiego. Wrocław, 1980; Kolendo J. A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Neron. Warszawa, 1981. 116 p.; Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 224–227; Čížářová J., Měchurová Z. (eds.). Peregrinatio Gothica. Jantarová stezka. Supplementum ad Acta Musei Moraviae Scientiae Sociales LXXXII. Brno, 1997; Bliujienė A. Northern Gold: amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200). Leiden; Boston, 2011. P. 56–64; Nowakow-

Однако В. Новаковский на основе некоторых археологических находок выделил в качестве предполагаемого ответвления Янтарного пути Мазурско-Надровский путь, существовавший в эпоху римских императоров Августа и Тиберия (1-я треть I в. н.э.) (рис. 1)¹. Для нашей темы он особенно важен, т.к. проходит по территории западных балтов. Как отмечает автор, эти контакты (т.е. между южным побережьем Балтийского моря и землями Среднего Подунавья) находились под контролем кельтов, проживавших в пограничных провинциях *Imperium Romanum*². На каких же собственно археологических материалах строится его предположение?

Первой из таких находок является фибула из Крукланки (Kruklanki) (Варминьско-Мазурское воеводство, северная Польша). Особенности конструкции фибулы из Крукланки очень схожи с конструкцией кельтской фибулы типа Мюнзинген (Münsingen) (рис. 2.1)³. Между тем рассматриваемая застежка представляет собой синтез кельтской стилистики с не характерной для кельтов шарнирной конструкцией. В качестве иллюстрации такого синтеза могут служить находки трех бронзовых фибул со щитками на дужках, с железными пружинками и рамчатыми ножками, найденные на известном кельтском оппидуме в Манхинг (Manching), расположенном в южной Германии. К тому же аналоги фибулы из Крукланки обнаружены на землях проживания в этническом отношении иллирийского, но сильно кельтизированного племени яподов в восточной Адриатике. Эти два типа фибул встречаются в комплексах, датируемых локальной фазой V, т.е., временем от 110 г. до н.э. – 10/20 гг. н.э. К сожалению, пока нельзя точно сказать, являлась ли фибула из Крукланки импортом из кельто-иллирийского мира, или была всего лишь местной имитацией, но, не подлежит сомнению тот факт, что она служит подтверждением связей жителей Мазурского Поозерья с южнодунайскими землями⁴.

Также важными представляются находки фибул типа Стрики (Striki). Две такие застежки были обнаружены на территории Восточной Пруссии, однако точная их локализация осталась неизвестной. Третья находка происходит из клада, происходящего с территории бывшего имения Шприндт (Sprindt), в границах города Инстербург (Insterburg; совр. Черняховск, Калининградская область). На головках рассматриваемых фибул были пластинки с поперечным рифлением, имитирующие пружины. Они не были украшены щитками на окончаниях ножек, а на их головках и с двух сторон «псевдо-пружин» находились бугорки. Их датировка согласно конструкции фибул (наличие рамчатой ножки, что является особенностью позднелатенской схемы), как полагает В. Новаковский, относится к развитой фазе позднего предримского периода (фазы А2-А3, т.е. 100 г. до н.э. – 20 г. н.э.). По мнению исследователя, фибула из Крукланки представляет собой образ быстрой «миграции идеи», т.е. промежуточным этапом между кельто-иллирийскими (яподскими) образцами и северными производными (фибулы типа Стрики)⁵.

Еще одним видом находок в Прибалтике являются поздние кельтские фибулы. Среди них можно выделить следующие три вида: Kragenfibeln (тип Альмгрен 239) (рис. 2.2)⁶, Distelfibeln (тип Альмгрен 240), фибул типа Нертмарус (Nertomarus).

Первый представлен фибулами классической формы Триер-Винхеринген (Trier-Wincheringen). Их датировку следует относить ко времени правления императоров Августа и Тиберия. Распространение находок фибул Kragenfibeln на землях, располагавшихся севернее среднего Подунавья, позволяет предполагать, что эти фибулы могли проникнуть на территорию пшеворской культуры через Чешскую Котловину, а следующий этап мог проходить через Мазовию на территорию Мазурского Поозерья. Между тем экземпляр рассматриваемой фибулы из окрестностей Венгожево (Węgorzewo) (Варминьско-Мазурское воеводство, северная Польша), по мнению В. Новаковского, является импортом, происходящим с территории проживания галльского племени треверов⁷.

Следующий вид представлен двумя фибулами, также происходящими из Венговежа, так называемыми Distelfibeln (тип Альмгрен 240) (рис. 2.3)⁸ – их дужка украшена декоративным щитком, напоминающим украшенные наложенными на дужку декоративными щитками, напоминающими цветок чертополоха (нем. Distel). Похожие предметы были найдены на маркоманских погребальных памятниках в Чешской Котловине, в комплексах, относящихся ко времени «державы

ski W. 2012. Auf der Suche nach dem "Gold der Nordens". Rom, die Barbaren und die Bernsteinstrasse // Swiatowit. 2012. VII (XLVIII). P. 95–107.

¹ Рис. по: Bliujienė A. Lietuvos priešistorės gintaras. Vilnius, 2007. P. 262; Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива – янтарный путь в эпоху Августа и Тиберия // Калининградские архивы. 2008. № 8. С. 40–52.

² Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива. С. 40–52.

³ Рис. по: Landry C., Blaizot F. Une sépulture de guerrier celte à Chens-sur-Léman (Haute-Savoie) // Revue Archéologique de l'Est. T. 60. 2011. P. 164.

⁴ Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива. С. 40–52.

⁵ Там же.

⁶ Рис. по: Feugère M. Les fibules en Gaule méridionale, de la conquête à la fin du Ve siècle ap. J.-C. (suppl. 12 à la Rev. Arch. Narb.). Paris, 1985.

⁷ Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива. С. 40–52. Треверы (лат. *Treveri*) – галльское племя, жившее по обоим берегам Мозеля. Главный город Августа Треверорум (*Augusta Treverorum* – «Имперский город треверов») на Мозеле (современный Трир, западная Германия).

⁸ Рис. по: Babelon E., Blanchet J.-A. Catalogue des bronzes antiques de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1895.

Маробода»¹. Следует отметить, что фибулы рассматриваемого типа принадлежат к одному и тому же варианту, появившемуся на землях Галлии во время правления императора Августа и бывшего в употреблении до третьей четверти I в.²

К этому же времени относятся находки фибул типа Нертотмарус (Nertomarus) (рис. 2.4)³. Одна из таких фибул, варианта Лангтон-Доун (Langton-Dawn) (рис. 2.5)⁴, была обнаружена севернее Карпат на кельтско- пшеворском поселении тынецкой группы под Краковом. В собраниях Музея Вармии и Мазур в Ольштыне еще одна такая же фибула была зарегистрирована по месту своего нахождения как «Samsburg, Kr. Insterburg». По мнению В. Новаковского, локализация данного артефакта недалеко от современного Черняховска не вызывает сомнений. По всей видимости, фибулу из «Замсбурга» можно рассматривать как своего рода отражением пути, идущего через Чешскую Котловину, которая являлась центром «державы Маробода», на север, на территорию Мазурского Поозёрья, а оттуда далее уже в Надровию⁵.

Еще одним интересным видом находок являются фибулы типа Езерине (Jezerine) (рис. 2.6)⁶. Представленные фибулы хорошо известны на широкой территории от Галлии, наддунайских земель по Балканы и являются проявлением живой кельтской традиции в провинциальной римской культуре во времена Августа. Кроме того фибулы типа Езерине были обнаружены также и в кельтском «анклаве» в Центральной Европе, каким была на рубеже эр т.н. пуховская культура, с двух сторон Татр, но в пшеворской культуре они не встречаются. Рассматриваемый тип фибул встречается на побережье между низовьями Вислы и Неманом. Два экземпляра были обнаружены также и на Мазурском Поозерье (погребение LVII на упоминавшемся могильнике Круклянки, и на стоянке Гжыбово (Gzybowo)). Фибулы типа Езерине были найдены в Новой Деревне Гусевского района Калининградской области (Россия) и Шилуте (Šilutė), в низовьях Немана на территории Литвы. К этому списку следует добавить еще две фибулы того же типа, обнаруженные на могильниках вельбарской культуры в низовьях Вислы, расположенных в Поморском воеводстве на севере Польши (обе находки происходят из Любешево (Lubieszewo) и могильника Стары Тарг (Stary Targ))⁷.

Этот отрезок пути вел и дальше – на остров Готланд, расположенный напротив западнолитовского взморья. На нем были обнаружены фибулы, иллюстрирующие местные подражания фибулам типа Езерине. У них имелись некоторые отличительные особенности, по сравнению с оригиналом. В целом, следует отметить то, что готландские варианты фибул типа Езерине, по всей видимости, отражают существование связей острова с регионами, где фибулы типа Езерине встречаются довольно часто – это устье Немана и мазурско-надровское ответвление Янтарного пути⁸.

К вещам кельтской традиции можно прибавить и находки браслетов с поперечными гребешками, окончаниями с отростками. Данные браслеты встречаются на памятниках Весново (Краснознаменский р-н Калининградской обл., Россия), Ромоты (Romoty) (Варминьско-Мазурское воеводство, северная Польша), на Мазурском Поозерье, а также Каружай, в Литве. Схожий браслет, хотя уже без декоративных отростков на окончаниях, был найден в Пренляукис (Prienlaukis), также в Литве (рис. 3.1)⁹. К этому списку следует добавить также два стилистически более поздних экземпляра со сплюснутыми гребешками: из коллекции пастора Писанского, собранной в окрестностях Венгожева, а также браслет из Пажарстис (Pažartis) в Литве (рис. 3.2)¹⁰.

Этот вид некоторые исследователи соотносили с формами браслетов, характерных для латенской культуры и датировали их временем LT C (150/120 гг. до н. э.), т.е. их следовало бы отнести к культуре западнобалтских курганов. Однако более правдоподобной представляется гипотеза о происхождении рассматриваемых браслетов в качестве подражания позднекельтским браслетам из римской провинции Реция (Raetia), в верхнем течении Дуная. Последние фиксируются в том же хронологическом горизонте, что и фибулы типа Езерине. Об этом свидетельствует браслет из Ромоты, который был найден на грунтовом могильнике периода римского влияния, а стилистически поздний экземпляр из Пажарстис был зафиксирован в погребении 2 в кургане 54 вместе с глазчатой фибулой прусской серии Альмгрен 60-61, сильно профилированной фибулой Альмгрен 72, которые датируют этот объект фазой B2 (70-170 гг.) периода римского влияния. Таким образом, можно предположить, что наиболее ранние из описываемых выше браслетов могли попасть на Мазурское Поозерье (Ромоты), в Надровию (Весново), а также в устье Немана (Каружай, возможно

¹ Объединение различных германских племен (союз, федерация), осуществленное вождем маркоманнов – Марободом. Само имя вождя происходит от двух кельтских слов: *māro* – "большой", "знатный" и *boduos* – "ворон".

² Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива. С. 40–52.

³ Рис. по: Feugère M. Les fibules en Gaule méridionale.

⁴ Ibidem.

⁵ Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива. С. 40–52.

⁶ Рис. по: Feugère M. Les fibules en Gaule méridionale.

⁷ Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива. С. 40–52.

⁸ Он же.

⁹ Рис. по: Nowakowski W. Na skrzyżowaniu szlaków. Pojezierze Mrągowskie u schyłku starożytności w układzie kontaktów między Bałtykiem a Dunajem i Morzem Czarnym // Mrągowskie Studia Humanistyczne. Bd. 6/7 (2004/2005). 2006. S. 9.

¹⁰ Ibid. S. 9.

и Пренляукис) вместе с той же волной кельтско-римских импортов, что и большинство рассматриваемых ранее фибул¹.

Таким образом, как полагает В. Новаковский, все проанализированные находки, вероятно, попали на южное побережье Балтийского моря в течение 40–50 лет, а именно в эпоху императора Августа и начала правления императора Тиберия. Время существования описанной «мазурско-надrowsкой альтернативы» объясняет также и кельтский характер находок: кельтское население римских провинций не отличалось в цивилизационном аспекте от германцев из-за Рейна и Дуная, а, вероятнее всего, также от балтов из Мазурского Поозёрья и Надровии. В этой связи логично заключить, что благодаря этому не существовало преград во взаимопонимании с варварскими партнёрами, даже при наличии языковых различий. С другой стороны, принадлежность к *Imperium Romanum* открывала для этих людей значительные римские рынки сбыта, а тем самым – пропорционально большие прибыли. Кельтское население наддунайских провинций Империи становилось, таким образом, торговым посредником между центром средиземноморского мира и *Barbaricum*².

К этому списку следует добавить находки на южнобалтийском побережье ажурных бронзовых изделий в стиле *opus interrasile*, а также «крыльчатых» и «глазчатых» фибул (рис. 2.7)³. Ажурные накладки из металла служили, как правило, важным элементом женской одежды у кельтов Норика и Паннонии, а в I в. н.э. они обрели популярность в качестве украшений на ножках мечей, на поясах, портупях, звеньях цепей-поводьев конской узды у солдат и офицеров римской армии, размещенной на Рейне и верхнем Дунае. Точно также верхний Дунай является родиной «крыльчатых» и «глазчатых» фибул⁴.

Однако ажурные накладки из металла и фибулы получают свое распространение в Прибалтике во второй половине I – первой половине II вв. как сугубо мужские атрибуты. Само появление варварских подражаний римской военной моде в таком удаленном от лимеса регионе связано с деятельностью римских торговцев на трассе «янтарного пути». Возможно, прав был М.Б. Щукин, предполагая, что ключевые пункты «янтарного пути» могли стать прибежищем в варварских землях для каких-то римских ремесленников, изготовлявших изделия в стиле «*opus interrasile*»⁵. Как известно, римские торговцы и ремесленники в I в. н.э. селились иногда за границами *Imperium Romanum* – в Дакии, свободной Британии и т. д.⁶.

В одной из недавних работ М. Рудницкий и С. Милек подробно рассмотрели вопрос о связи земель Центральной Польши с Дакией доримского времени⁷. Основной находкой служат кольца со шнуровым орнаментом (type *Simleul Silvaniei*). Несмотря на то, что они происходят из среды кельтов, их следует также относить и к среде даков. Рассматриваемые кольца или браслеты были обнаружены в разных частях Польши: одно – в Любичево (Lubiechowo), в Западном Поморье, пять – в регионе Нижней Вислы: Ласи (Lasy), Мальборк-Вельбарк (Malbork-Wielbark), три – в Мазовии: Неданово (Niedanowo), четыре были открыты в западной части Малой Польши: Нове Бжеско (Nowe Brzesko), Пельчиска (Pelczyska). Польские исследователи относят их ко времени раннего римского периода, но возможна и более ранняя датировка – LT D2 (60–30 гг. до н. э.) или ступень A3 раннеримского времени⁸. Эти кольца, по мнению У. Маргоса и М. Стапорака, обязаны своим происхождением миру восточных кельтов или миру даков⁹. М. Рудницкий и С. Милек приходят к следующему интересному выводу – кольца-браслеты со шнуровым орнаментом, обнаруженные в Лалендорфе (Lalendorf), в Мекленбурге – Передней Померании (Mecklenburg-Vorpommern) (рис. 3.3)¹⁰, а также все указанные находки на территории Польши, должны рассматриваться как результат торгового обмена между Севером и Югом. При этом роль посредника в этом обмене играют жители западной части Малой Польши¹¹. Как полагает К. Плانتос, рассматриваемые браслеты являются своеобразным «эхом» кельтского влияния на доримскую металлургию даков. Эти браслеты использовались аристократией даков как престижный символ¹².

Упомянутые выше связи между Севером и Югом (возможно, не только торговые, но и культурные) выглядят вполне объективными. На эти связи указывает в своей работе и Л. Качмарек,

¹ Новаковский В. Мазурско-надrowsкая альтернатива. С. 40–52.

² Там же.

³ Рис. по: Белевец Г.В. О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 162.

⁴ Колобов А.В. Римское военное снаряжение дальней варварской периферии. Проблемы интерпретации // *Античность и средневековье Европы*. Пермь, 1996. С. 56–69.

⁵ Щукин М.Б. Янтарный путь и венецы // *Проблемы археологии*. 1998. № 4. С. 201.

⁶ Колобов А.В. Римское военное снаряжение дальней варварской периферии. С. 56–69.

⁷ Rudnicki M., Milek S. New evidence on contacts between Pre-Roman Dacia and territory Central Poland // *Acta Archaeologica Carpathica*. 2011. Vol. XLVI. P. 117–143.

⁸ Ibid. P. 117.

⁹ Margos U., Staporek M. Jeszcze jeden wczesnorzymski zespół z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Lasach, pow.Sztum // *Pomorania Antiqua*. 2001. Vol. 18. S. 261.

¹⁰ Рис. по: Rudnicki M., Milek S. New evidence on contacts between Pre-Roman Dacia and territory Central Poland // *Acta Archaeologica Carpathica*. 2011. Vol. XLVI. P. 127.

¹¹ Ibid. P. 130.

¹² Plantos C. A dacian bracelet of “Simleul Silvaniei” type originating in the History museum “Augustin Bunea” – Blaj (Dep. Alba) // *Apulum*. 2005. Vol. 42. P. 80.

проанализировав находки обоюдоострых мечей в Быдгоще (Bydgoszcz) (Куявско-Поморское воеводство, северная Польша) (рис. 3.4)¹. Одной из возможных причин присутствия двух обоюдоострых мечей на Куявах является сильное латенское влияние с юга, приходящее по направлению к Балтийскому морю посредством функционирования знаменитого Янтарного пути².

По главной янтарной магистрали могли передвигаться не только кельтские торговцы, заинтересованные в торговле янтарем, но и кельтские ремесленники. Такие бродячие ремесленники могли искать своего потенциального клиента из среды инородной варварской элиты, способного обеспечить его необходимым сырьем для изготовления престижных предметов (которые могли сочетать в себе различные культурные традиции) для удовлетворения потребностей в демонстрации своего привилегированного положения в социуме³.

Чем же был обусловлен такой живой интерес кельтов к южному побережью Балтийского моря? На этот вопрос постарался ответить в своей последней статье уже неоднократно упоминавшийся Т. Бошнак⁴. Во-первых, он предполагает, что для доримского (в западной литературе – «предримского») периода носители латенской культуры организовали обменный путь, связывающий побережье Балтийского моря с *Caput Adriae* (древний город, располагавшийся на территории современной Венеции, в северной Италии). Во-вторых, кельтов интересовали, прежде всего, янтарь, соляные залежи (собственно, соль), рабы, а также меха и кожа. Этому сюжету следует посвятить отдельную статью. Вероятно, в качестве равноценных предметов обмена кельты могли предложить прибалтийским эстиям свои модные и престижные изделия (фибулы, мечи и т.д.). Последние, очевидно, должны были соприкасаться или иметь определенные контакты (либо морские⁵, либо сухопутные) с носителями латенской культуры, поскольку тогда становится непонятным каким образом они могли освоить язык, который был «ближе к британскому», т.е. к кельтскому, о чем сообщал римский историк Корнелий Тацит в своем сочинении «*De origine et situ Germanorum*» («О происхождении и местоположении германцев»)⁶.

Между тем вызывают интерес и находки кельтских монет, обнаруженных в Куявах (входят в состав Куявско-Поморского воеводства, расположенного на севере Польши) и являющиеся своего рода иллюстрацией возможного проникновения кельтов сухопутным путем в южнобалтийские земли. Й. Веловейский в ходе анализа явлений, связанных с функционированием Янтарного пути, неоднократно подчеркивал роль и стремление кельтов в сфере организации своеобразного «Куявского пути»⁷.

Рассматриваемые монеты были выполнены в различных культурных традициях. Наиболее интересными выступают следующие традиции, отразившиеся в чеканке монет на территории Польши:

1. Бойская (юго-западная Словакия) – к примеру, бойские статеры типа Нике (Nike);
2. Кельто-дакская (особенно примечательна небольшая территория в долине реки Муреш, Румыния)
3. Галло-бельгийская (ныне юго-восточная Бельгия, Люксембург и окрестности Трира в Западной Германии) – статеры типа Маслув (Maslow);
4. Гельветская (часть Швейцарии – восточный берег озера Невшатель) – статеры типа Фрайбург (Freiburg)⁸.

Как отмечают М. Рудницкий и С. Милек, правом на чеканку монет обладала, по всей видимости, аристократия⁹. Возможной (если даже не главной) причиной оседания кельтов (или групп кельтских племен) на территории Польши, по мнению М. Андравоца и М. Андравоца, могли стать их сражения с Бурбистой (царь Дакии в 82 г. до н. э. – 44 г. до н. э.), а также с Юлием Цезарем. Не последнюю роль в этом процессе, очевидно, сыграла Галльская война (58–50 гг. до н. э.)¹⁰.

¹ Рис. по: Kaczmarek L. Miecz obosieczny z okolic Bydgoszczy. Krótki przyczynek do badań nad uzbrojeniem w okresie przedrzymskim. (Double-edged sword from the environs of Bydgoszcz. A short contribution to the studies of weaponry in the pre-roman period) // *Studia Europaea Gnesnensia*. 2012. № 5. S. 159.

² *Ibid.* S. 160.

³ Rustoiu A., Berecki S. Celtic Elites and Craftsmen: Mobility and Technological Transfer during the Late Iron Age in the Eastern and South-Eastern Carpathian Basin // Berecki S. (ed.). *Iron Age Crafts and Craftsmen in the Carpathian Basin*. Tg. Mureş, 2014. P. 249–278.

⁴ Bochnak T. L'ambre, mais quoi d'autre sur la route de l'ambre? Les marchandises recherchées par les Celtes au nord des Carpates // *Istros*. 2015. XXI. P. 343–380.

⁵ Bochnak T. Północna droga napływu importów celtyckich na ziemię polskie – zarys problematyki // *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin – Wrocław, 2010. S. 391–411; Анисимов В.В. Западные кельты, южная Прибалтика и морские коммуникации на рубеже эр: состояние исследований // *Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология*. 2016. № 1.

⁶ Немаловажно отметить, что Тацит являлся родственником Агриколы, губернатора Британии и благодаря этому мог иметь некоторое представление о языке британских (собственно, островных) кельтов.

⁷ Wielowiejski, J. *Główny szlak bursztynowy w czasach Cesarstwa Rzymskiego*. Wrocław, 1980. S. 179–195.

⁸ Andrałojć M., Andrałojć M. *Mennictwo celtyckie na Kujawach*. Poznań, 2012. S. 35.

⁹ Rudnicki M., Milek S. New evidence on contacts between Pre-Roman Dacia and territory Central Poland // *Acta Archaeologica Carpathica*. 2011. Vol. XLVI. P. 137.

¹⁰ Andrałojć M., Andrałojć M. *Mennictwo celtyckie na Kujawach*. Poznań, 2012. S. 40.

Таким образом, на основе представленных выше археологических данных, можно предположить следующее: присутствие кельтов (бойев, а возможно, и скордисков) на территории Польши, по всей видимости, объясняется контролем с их стороны Янтарного пути, способствовавшим, благодаря торговле, выделению привилегированной или знатной «верхушки» (кельтской элиты). В этом контексте уже не раз звучавший тезис о том, что между рассматриваемым регионом и Средним Подунавьем существовали довольно тесные связи, находит свое полное и одновременно логическое объяснение. Не исключено, что именно из среднедунайского региона и пришли те самые кельты, знакомые с традициями Среднего Подунавья. Не будет преувеличением сказать, что этот же самый торговый путь способствовал формированию на южном побережье Балтийского моря феномена новой "дунайской" моды. В свете всего этого Янтарный путь представляется не только важной торговой магистралью, но также и своеобразной культурной «артерией» варварской Европы. Ту же самую мысль выражает Т. Боштак: «Кажется, что Янтарный путь был путем-проводником новых тенденций моды и идей»¹. К примеру, могилы по обряду ингумации, столь редкие на польских землях во II в. до н. э., могли появиться здесь, благодаря функционированию Янтарного пути². Тем самым, тезис о том, что этот путь являлся своеобразной культурной «артерией» варварской Европы, находит свое обоснованное подтверждение.

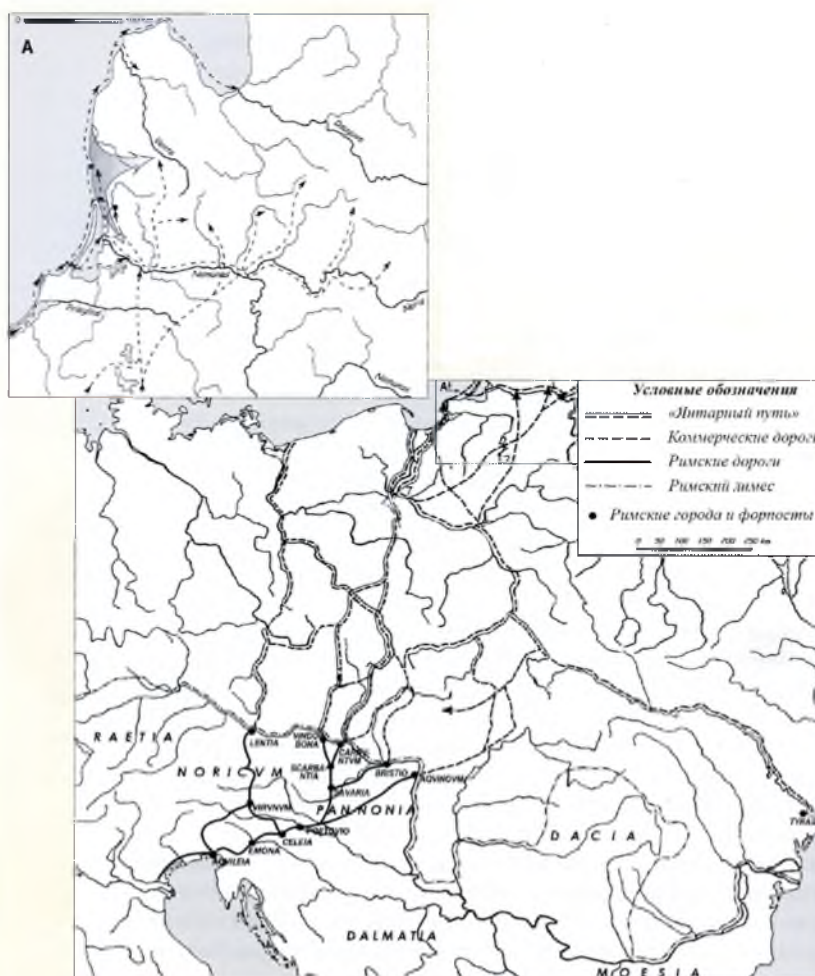

Рис. 1. Карта «Янтарного пути» и восточной части региона Балтийского моря в Литве и Латвии (А) (по Bliujienė, 2007: 262).

Fig. 1. Map of the "Amber Road" and the eastern part of the Baltic Sea region in Lithuania and Latvia (A) (for Bliujienė, 2007: 262).

¹ Bochnak T. L'ambre, mais quoi d'autre sur la route de l'ambre? Les marchandises recherchées par les Celtes au nord des Carpates // Istros. 2015. XXI. P. 359.

² Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970. S. 233.

Используя возможность, мне хотелось бы выразить особую признательность и поблагодарить М.М. Казанского и А.В. Магтыкову за оказанную ими помощь в процессе написания статьи, а также за те критические замечания и рекомендации, которые были непосредственно учтены в данной работе.

Рис. 2. Фибулы: 1 – фибула типа Münsingen (по Landry, Blaizot 2011: 164); 2 – фибула типа Kragenfibeln (по Feugère 1985: pl. 80, n°1085); 3 – фибула типа Distelfibeln (по Babelon, Blanchet 1895: n°1737); 4 – фибулы типа Nertomarus (по Feugère 1985: pl.168, n°E2); 5 – фибулы типа Nertomarus варианта Лангтон-Доун (по Feugère 1985: pl.93, n°1231); 6 – фибулы типа Jeserine (по Feugère 1985: pl.85, n°1149); 7 – «глазчатые» фибулы (по Белевец 2014: 162). 1: без масштаба

Fig. 2. Fibulae

Рис. 3. Браслеты и кольца: 1 – браслеты с поперечными гребешками, найденные в районе между Нижней Вислой и Неманом (по Nowakowski 2006: 9); 2 – браслеты с окончаниями в виде отростков, найденные в районе между Нижней Вислой и Неманом (Nowakowski 2006: 9); 3 – бронзовые кольца со шнуровым орнаментом (type Şimleul Silvaniei) (type Rustoiu) (по Rudnicki, Milek 2011: 127); 4 – обоюдоострые мечи из Быдгоща (по Kaszmarek 2012: 159). 1,2: без масштаба

Fig. 3. Bracelets and Rings

Библиография

- Анисимов В.В. Западные кельты, южная Прибалтика и морские коммуникации на рубеже эр: состоящие исследования // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2016. №1. С. 28-31.
- Белевец Г.В. О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь // Stratum plus. 2014. №4. С. 159-177.
- Браун Ф. Разыскания в области готско-славянских отношений. Готы и их соседи до V века. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1899.
- Колобов А.В. Римское военное снаряжение дальней варварской периферии. Проблемы интерпретации // Античность и средневековье Европы. Пермь: ПГУ, 1996. С. 56-69.
- Новаковский В. Мазурско-надровская альтернатива – янтарный путь в эпоху Августа и Тиберия // Калининградские архивы. 2008. № 8. С. 40-52.
- Хеннинг Р. Открытие Балтийского моря // Хеннинг Р. Неведомые земли: в 4 т. Том I. М.: Изд-во иностранной литературы. 1961. С. 364-373.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994.

- Шукин М.Б. Янтарный путь и вены // Проблемы археологии. 1998. №4. С. 198-201.
- Andralojć M., Andralojć M. Mennictwo celtyckie na Kujawach. Poznań: Refugium, 2012.
- Babelon E., Blanchet J.-A. Catalogue des bronzes antiques de la Bibliothèque Nationale. Paris: E. Leroux, 1895.
- Bliujienė A. Lietuvos priešistorės gintaras. Vilnius: Versus Aureus, 2007.
- Bliujienė A. Northern Gold: amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200). Leiden; Boston: Brill, 2011.
- Bochnak T. L'ambre, mais quoi d'autre sur la route de l'ambre? Les marchandises recherchées par les Celtes au nord des Carpates // Istros. 2015. XXI. P. 343-380.
- Bochnak T. Północna droga napływu importów celtyckich na ziemię polskie – zarys problematyki // Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza. Biskupin – Wrocław: WAP, 2010. S. 391-411.
- Bochnak T., Goláňová P. La porte de Moravie: un point obligé sur la "route de l'ambre" // Routes du monde et passages obligés de la Protohistoire au haut Moyen Age. Quimper: Centre de recherche archéologique du Finistère, 2010. P. 161-180.
- Čižarová J., Měchurová Z. (eds.). Peregrinatio Gothica. Jantarová stezka. Supplementum ad Acta Musei Moraviae Scientiae Sociales LXXXII. Brno: Moravské Zemské Muzeum, 1997.
- Feugère M. Les fibules en Gaule méridionale, de la conquête à la fin du Ve siècle ap. J.-C. (suppl. 12 à la Rev. Arch. Narb.). Paris, Ed. CNRS, 1985.
- Kaczmarek L. Miecz obosieczny z okolic Bydgoszczy. Krótki przyczynek do badań nad uzbrojeniem w okresie przedrzymskim (Double-edged sword from the environs of Bydgoszcz. A short contribution to the studies of weaponry in the pre-roman period) // Studia Europaea Gnesnensia. 2012. № 5. P. 23-39.
- Kolendo J. A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Neron. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1981.
- Landry C., Blaizot F. Une sépulture de guerrier celte à Chens-sur-Léman (Haute-Savoie) // Revue Archéologique de l'Est. T. 60. 2011. P. 56-77.
- Margos U., Stąporek M. Jeszcze jeden wczesnorzymski zespół z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Lasach, pow. Sztum // Pomorania Antiqua. 2001. Vol. 18. P. 103-133.
- Nowakowski W. Auf derr Suche nach dem "Gold der Nordens". Rom, die Barbaren und die Bernsteinstrasse // Swiatowit. 2012. VII (XLVIII). P. 34-58.
- Nowakowski W. Na skrzyżowaniu szlaków. Pojezierze Mrągowskie u schyłku starożytności w układzie kontaktów między Bałtykiem a Dunajem i Morzem Czarnym // Mrągowskie Studia Humanistyczne. Bd. 6/7 (2004/2005). 2006. P. 59-75.
- Plantos C. A dacian bracelet of "Simleul Silvaniei" type originating in the History museum "Augustin Bunea" – Blaj (Dep. Alba) // Apulum. 2005. Vol. 42. P. 78-99.
- Rudnicki M., Milek S. New evidence on contacts between Pre-Roman Dacia and territory Central Poland // Acta Archaeologica Carpathica. 2011. Vol. XLVI. P. 117-143.
- Rustoiu A., Berecki S. Celtic Elites and Craftsmen: Mobility and Technological Transfer during the Late Iron Age in the Eastern and South-Eastern Carpathian Basin // Berecki S. (ed.). Iron Age Crafts and Craftsmen in the Carpathian Basin, Tg. Mureş, 2014. P. 249-278.
- Wielowiejski, J. Główny szlak bursztynowy w czasach Cesarstwa Rzymskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1980.
- Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970.

References

- Anisimov V.V. Zapadnye kel'ty, yuzhnaya Pribaltika i morskije kommunikacii na rubezhe ehr: sostojanie is-sledowanij // Vestnik VGU. Seriya: istoriya, politologiya, sociologiya. 2016. №1. S. 28-31.
- Belevec G.V. O nahodkah glazchatyh fibul III grupy O. Al'mgrena na territorii Respub-lik Belarus' // Stratum plus. 2014. №4. S. 159-177.
- Braun F. Razyskaniya v oblasti goto-slavyanskikh otnoshenij. Goty i ih sosedi do V veka. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1899.
- Kolobov A.B. Rimskoe voennoe snaryazhenie dal'nej varvarskoj periferii. Problemy in-terpretacii // Antichnost' i srednevekov'e Evropy. Perm': PGU, 1996. S. 56-69.
- Novakovskij V. Mazursko-nadrovskaya al'ternativa – yantarnyj put' v ehposhu Avgusta i Ti-beriya // Kalinin-gradskie arhivy. 2008. № 8. S. 40-52.
- Henning R. Otkrytie Baltijskogo morya // Henning R. Nevedomye zemli: v 4 t. Tom I. M.: Izd-vo inostrannoj literatury. 1961. S. 364-373.
- Shchukin M.B. Na rubezhe ehr. SPb.: Farn, 1994.
- Shchukin M.B. Yantarnyj put' i venedy // Problemy arheologii. 1998. №4. S. 198-201.